

Д. ФИЛОСОФОВ

<Рец. на кн.:> Владимир Эрн. Меч и крест

Москва. 1915. Ц. 40 к.

Выступления и выходки г-на Эрна в свое время вызвали известный шум.

Его знаменитая речь «От Канта к Крупну» имела даже успех скандала. Но вскоре об Эрне замолчали. Все поняли, что эта напыщенная чепуха никакого значения не имеет. Правда, г. Эрн продолжал отбиваться от своих противников, всячески старался раздуть значительность своей риторики и в различных мало-распространенных изданиях вроде «Русского звена» изрекал с прежним пафосом свои глубокие мысли¹. Но никто не обращал на него внимания. Надо иметь много досуга, пребывать в праздности, а главное — ни одним боком не соприкоснуться с современной мировой драмой, чтобы находить усладу в словоизвержениях нашего доморощенного философа.

Опечаленный образовавшимся вокруг него «заговором» молчания, г. Эрн собрал в одну кучу все свои военные писания, издал их отдельной книжечкой. Авось о нем опять вспомнят. Шаг очень опрометчивый. Книжечка — не что иное, как жалкий холмик, даже без креста, над мертвым, разлагающимися фразерством.

Прежде всего, эту книжечку невозможно читать. Особенно теперь. До такой степени она бесстыдна, нецеломудренна. Столько в ней холодных, отвлеченных кощунств, соединенных с непроходимым непониманием совершающихся событий. В эпоху торжествующего Евлогия и наших просветительно-полицейских опытов в Галиции² она имела еще известный смысл, давая необходимый запас философско-националистической бутафории для наших «червонно-русских» администраторов. Но теперь эта бутафория превратилась в никому не нужный хлам. Более того, от эрновского «размаха» веет какой-то поздревщи-

ной. Нездоровой издевкой. И если бы у г-на Эрн была бы хоть капля душевного такта, он поспешил бы изъять свою жалкую книжонку из продажи. Но у отвлеченных головных Гегелей и Шеллингов «из скифов» душевного такта быть, конечно, не может.

Наш московский скиф с немецкой фамилией серьезно воображает, что для сегодняшней России крайне важно знать, чем отличается «позиция» г-на Эрн от позиции Булгакова, Вячеслава Иванова, Розанова, в чем заключается его несогласие с Бердяевым. Герои Боккаччо во время чумы забавляли себя милыми, не всегда приличными новеллами. Наши московские риторы даже на это неспособны. Они «забавляют» друг друга тягучей, нудной схоластикой, философскими словоизвержениями, в которых на десять слов по крайней мере одиннадцать иностранных...

Всех статей в сборнике двенадцать. Все они одинаково скучны, бездарны и противны. Но одна из них превосходит все меры дозволенного приличия и не может быть названа иначе, как кощунственно-бесстыдной. Это — «Голос событий», напечатанная в покойном «Русском звене» г-на Брянчанинова³. Для «реальных политиков» и эта статья не более как кабак слов дурного тона, но для людей религиозно настроенных, а именно к ним обращается наш московский скиф, этот «голос событий» просто невыносим. Любая баба, свято почитающая таинственную «Прасковеею-Пятницу» и боящаяся мести избу по пятницам, в тысячу раз праведнее и чище, нежели московский ритор, позволяющий себе ради красоты слога и вящего патриотизма посягать на великую народную святыню, на образ Вечной Матери и Вечной Девы. Не привожу цитату. Не настолько же «одурел» г-н Эрн, чтобы не понять, о чем я говорю.

